

УДК 94"1941/45"

НАКАЗАНИЕ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО С ОККУПАНТАМИ. ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА СССР

С.В. Кудряшов

Аннотация

В статье рассматриваются исторические и правовые аспекты советского опыта наказания лиц, сотрудничавших в годы войны с нацистскими оккупационными властями. Подчеркиваются противоречивый характер советской правовой системы и необходимость рассекречивания сводной статистической информации, хранящейся в ведомственных архивах Российской Федерации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, военные преступления, коллаборационизм.

Проблема сотрудничества местного населения с оккупационными властями и реакция советского руководства

Современный уровень знаний о Второй мировой войне позволяет определенно утверждать, что во всех странах, чьи территории были оккупированы немцами, население в той или иной форме сотрудничало с оккупационной властью. Слово «сотрудничество» имеет в русском языке много оттенков. Оно включает в себя и смысл французских слов “collaboration”, “coopération”, немецких “Zusammenarbeit” и “Mitarbeit”, английских “collaboration” и “contribution”. В силу сложившихся обстоятельств, в частности, исторических особенностей оккупации гитлеровцами Франции, именно французский термин «коллаборационизм» используется сегодня во многих языках мира для обозначения деятельности той части населения, которая активно помогала оккупантам. В русском языке это слово ранее употреблялось редко, и лишь в середине 90-х годов прошлого века закрепилось в научной и популярной литературе. В годы войны в нашей стране употреблялось слово «пособничество», которое прочно укоренилось в советской юридической практике и политическом лексиконе.

Интерпретация коллаборационизма в советское время определялась политической конъюнктурой (борьбой с нацистской пропагандой, особенностями советской идеологии, противостоянием с Западом в годы «холодной войны», крушением СССР и т. д.). Не вдаваясь в детали полемики и отвергая крайние точки зрения, отметим наиболее принципиальные аспекты. Нацистский оккупационный режим, установленный на территории СССР, с самого начала требовал от населения полного повиновения приказам германского командования. Невыполнение распоряжений немецкого начальства могло повлечь за собой самые разные формы наказания – от избиения до расстрела. Иными словами, нацистский «новый» порядок изначально предполагал лояльность населения.

Все несогласные, все расово и политически враждебные элементы должны были быть постепенно уничтожены. С учетом того, что высшее руководство рейха заранее планировало Восточный поход как войну на уничтожение и не собиралось «кормить избыточное население», легко понять, что советские люди оказались в очень тяжелых условиях. Если жизнь в деревне при наличии земельного участка и домашнего скота давала шанс на выживание, то продовольственная ситуация в городах была катастрофической. Поэтому для гражданского населения единственной возможностью прокормить себя и свою семью являлась работа, которую могли дать только оккупанты. В результате значительная часть населения была вынуждена теми или иными способами сотрудничать с оккупационной властью. Разумеется, были и такие, кто с первых же дней войны предложил немцам свои услуги, стремился получить должности и продвигаться по службе. Некоторые граждане, в основном националисты (латыши, литовцы, русские, украинцы и прочие), делали это из политических и идеологических соображений, однако их доля была незначительной. Подавляющая часть населения работала на немцев или помогала им из экономических соображений [1, р. 180–350; 2, S. 88–200; 3, р. 150–300; 4].

Советские власти всегда были психологически, политически и организационно готовы к борьбе с реальными или потенциальными врагами. Общественный климат 20-х и 30-х годов двадцатого столетия был буквально пропитан пафосом подобной борьбы. По мере усиления террора и массовых чисток даже создавалась иллюзия упрочения государственной власти. Однако массовое вовлечение граждан в различные формы взаимодействия с оккупантами стало для советских лидеров неожиданностью. Впервые после гражданской войны почти вся европейская территория СССР была оккупирована, и 55–60 млн. человек, проживавших на ней, оказались подверженными агрессивной антикоммунистической и расистской пропаганде. Часть пропагандистов (в основном это были писатели, журналисты, а также администраторы различных уровней) составляли местные жители. Возможности примерно наказать их у советских властей были ограничены, но желание найти преступников и совершить возмездие над ними прослеживается практически во всех документах военной поры. Во время оккупации основным орудием возмездия выступали агенты, диверсионные части НКВД или партизанские отряды. После ухода немцев начались масштабные проверки местного населения.

Юридическое обоснование и законодательная база

Задолго до начала войны в Уголовном кодексе РСФСР фигурировала статья № 58 о контрреволюционных действиях, по которой привлекали к ответственности большинство «врагов народа». Эта статья широко использовалась в судебной практике и в годы войны. Ее основные пункты гласили:

58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской

революции. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР (6 июня 1927 г.).

58-1а. Измена Родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества (20 июля 1934 г.).

58-1б. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества (20 июля 1934 г.).

Далее в пятнадцати пунктах уточняются возможные формы антигосударственного поведения, которое должно быть сурово наказано [5, с. 27–32]. При внимательном прочтении текста статьи нетрудно заметить, что ее формулировки предоставляли юридическим инстанциям СССР очень широкие полномочия для преследования любых лиц, сотрудничавших с оккупантами. Однако 19 апреля 1943 г. был принят другой закон – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины». Почему? По мере поступления информации о преступлениях нацистов и их пособников советское руководство пришло к выводу о том, что одной статьи № 58 недостаточно, а некоторые ее положения (о гражданской войне, высылке из СССР, объявлении врагом народа и прочие) или утрачивали смысл, или казались неоправданно «мягкими» в условиях военного времени [6, с. 15–182; 7]. Указ предельно ужесточал наказание именно за преступления, связанные с нацистской политикой, что в конечном счете привело к расширению уголовной ответственности. Указ вводил смертную казнь через повешение и каторжные работы (только для местного населения, и лишь позднее эта норма стала применяться и к немцам). В отличие от всех других законов, Указ имел обратную силу, то есть его можно было применить по отношению к преступлениям, совершенным до его принятия. Указ применялся вплоть до 1952 г., в том числе и на территориях других стран. Наличие статьи № 58, Указа от 19 апреля 1943 г., а позднее – закона № 10 (принят в 1947 г. для наказания немецких военнослужащих без применения высшей меры наказания) давало советским органам юстиции самые широкие полномочия. Неудивительно, что за короткое время советские суды стали при вынесении решений руководствоваться принципом коллективной ответственности как немецких военных, так и их местных пособников.

Розыск подозреваемых лиц, их судебное преследование и наказание

Оперативная деятельность спецслужб всегда была гордостью советской власти. О чекистах снимали кино, ставили спектакли, писали романы. Тенденция к героизации спецорганов сохраняется и отчасти даже усиливается в современной

России. При этом исследований, обобщающих их методы работы и предлагающих сводную статистику, очень мало. К тому же почти все из них готовятся сотрудниками внутренних учреждений МВД или ФСБ и предназначены только для служебного пользования.

Рассекречивание части документов государственных архивов России, архивов ФСБ и МВД, предпринятое в последние 15–20 лет, позволяет ознакомиться с внутренними приказами и инструкциями и дает возможность оценить эффективность работы этих органов на освобожденных территориях в годы войны.

В первую очередь следует отметить, что круг лиц, которых требовалось найти и наказать, начинали устанавливать еще до окончательного освобождения той или иной территории от оккупантов. Как правило, этим занимались специальные оперативные группы НКВД-НКГБ (Белоруссия) или партизанские отряды, а сводную картотеку позднее составляли органы «СМЕРШ». В эти списки включались наиболее активные пособники оккупантов: бургомистры, старосты, следователи, полицейские руководители. Речь шла, разумеется, о тех гражданах, которых сами партизаны наказать не могли. Сразу же после отступления немцев передовые отряды Красной Армии в течение нескольких дней восстанавливали на территориях органы Советской власти, которые совместно с сотрудниками НКВД, «СМЕРШ», Военной прокуратуры и командирами частей Красной Армии начинали розыск лиц, подозреваемых в связях и сотрудничестве с оккупантами [8, с. 76–92]. Если передовые воинские части некоторое время задерживались на освобожденной территории, основные решения принимались их командирами. Формально они контролировались Военной прокуратурой, но в условиях быстрого наступления и большой загруженности сотрудники прокуратуры просто не успевали за всем следить. На деле это приводило к быстрым внесудебным расправам, что на языке документов того времени звучало как «очистка освобожденной территории от контрреволюционных элементов». Сколько людей, подозреваемых в сотрудничестве, попало «под горячую руку» и было расстреляно или повешено, установить в настоящее время не представляется возможным, и не только в силу засекреченности архивов, но и из-за того, что подобные расправы не фиксировались документально. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе общих цифр.

После ухода регулярных частей Красной Армии на освобожденной территории на базе партизанских отрядов с обязательным привлечением состава НКВД создавались так называемые истребительные батальоны, которые вместе с милицией осуществляли розыск. Что же касается всей территории, то она контролировалась внутренними войсками НКВД, которые выставляли заградительные отряды, прочесывали местность, проверяли документы и задерживали всех подозрительных лиц. Согласно директиве Главного управления внутренних войск НКВД от 1 июля 1943 г. приказывалось задерживать всех граждан СССР, проходивших службу в вермахте, оккупационных учреждениях (бургомистры, старосты, полицейские), участников карательных экспедиций либо насильственного изъятия в пользу гитлеровцев личного и общественного имущества; предателей, выдававших врагу партизан и советских партийных работников. Понятно, что сразу при проверке документов или «сигналов» граждан определить предателей было сложно. Поэтому войска НКВД традиционно задерживали

много людей, а разбирались в том, кто из них виноват, уже потом. Так как обвинительный уклон в отношении «врагов» и «пособников» был очевиден, нетрудно предположить, что у многих чинов спецорганов возникал соблазн придать «мероприятиям по очистке» массовый характер. На деле так и происходило. Первые же проверки военной прокуратуры подтвердили массовое нарушение процессуальных норм: показания свидетелей не фиксировались; иногда свидетели вообще не вызывались, а к делу подшивалась лишь справка о деятельности подозреваемого; следователи регулярно требовали личного признания вины; фиксировались случаи избияния подозреваемых. Здесь видны те же методы, которые применялись и в 20–30-е годы XX в. Отметим также, что в соответствии с приказом прокурора СССР от 26 апреля 1943 г. военные преступления расследовались в течение пяти дней. Эти сроки не всегда соблюдались, часто даже специально продлевались прокуратурой, но в целом они заставляли следователей предъявить суду обвиняемого как можно быстрее. Подобное противоречие так и не разрешилось в годы войны, хотя в совместном распоряжении НКВД и НКГБ от 11 октября 1943 г. указывалась необходимость ареста только активных пособников нацистов (РОА, легионеры, руководящий и командный состав полиции, бургомистры и т. д.) [9, с. 136–170].

После первой волны массовых проверок началась длительная рутинная работа по проверке всего населения. Так, за период с 1944 по 1945 гг. органы милиции проверили паспорта и завели дела приблизительно на 37 млн. человек. В результате только органы милиции выявили около 92 тыс. пособников оккупантов. Агентурная работа в это время мало использовалась в целях розыска, и лишь после войны она стала главным инструментом розыскных мероприятий.

Значительное внимание спецорганы уделяли трофейным и местным архивам. По ним выявлялись лица, сотрудничавшие с оккупантами, и составлялась подробная картотека, которая находилась в Москве. Часть имен была установлена в результате работы Чрезвычайной государственной комиссии.

Особое значение придавалось архивам немецких спецслужб, разведывательных и диверсионных школ, концентрационных лагерей. К примеру, в распоряжении Красной Армии оказалась значительная часть архива специального лагеря СС «Травники» в Польше. По его результатам была составлена подробная картотека, и «травников» разыскивали по всей стране и за рубежом.

До Указа от 19 апреля 1943 г. дела на «пособников» рассматривались военными трибуналами, а после указа с этой целью создавались также военно-полевые суды. Приговоры военно-полевых судов (ВПС) считались окончательными, пересмотру не подлежали, приводились в действие немедленно и, как правило, публично. Деятельность ВПС вызывала массу нареканий, в том числе и от очевидцев казней.

Менее всего изучена и понятна роль так называемого Особого Совещания НКВД СССР. Эта инстанция функционировала практически самостоятельно и не подчинялась никакому суду, хотя сама выполняла роль судебной инстанции, вынося в том числе и смертные приговоры. Деятельность Особого Совещания не носила столь массового характера, как деятельность военных трибуналов. Тем не менее речь может идти о нескольких тысячах приговоренных лиц.

Таким образом, для изучения деятельности советских судебных органов в вопросах наказания коллаборационистов историкам требуются сводные статистические материалы и соответствующие дела Политбюро ЦК ВКП(б). Секретность и неупорядоченность основных коллекций не позволяют пока дать ответ на главный вопрос – сколько лиц в годы войны и после нее было наказано за сотрудничество с оккупантами. Приводимые в литературе данные сильно разнятся [10, с. 198–210]. Требуется рассекречивание всех документов периода войны.

Summary

S.V. Kudryashov. The Prosecution of the War-Time Collaborators with the Nazis: The USSR Case Study.

The article deals with various historical and juridical aspects of the Soviet practice of the prosecution of the war-time collaborators with the Nazis. Particular attention is paid to the contradictory character of the Soviet legal system and the current need to declassify consolidated statistical data kept in the departmental archives of the Russian Federation.

Key words: World War II, Great Patriotic War, war crimes, collaboration.

Литература

1. *Dallin A. German Rule in Russia 1941–1946: A Study of Occupation Politics.* – Basingstoke: Macmillan, 1986. – 707 p.
2. *Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944.* – München: R. Oldenbourg Verlag, 2008. – 399 S.
3. *Schulte T.J. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia.* – Oxford; N. Y.; Munich: Berg Pub., 1989. – 390 p.
4. *Golczewski F. Die Kollaboration in der Ukraine // Kooperation und Verbrechen: Formen der “Kollaboration” im östlichen Europa, 1939–1945.* – Göttingen: Wallstein Verlag, Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus. – 2005. – № 19. – S. 151–182.
5. Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 224 с.
6. *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР.* – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 386 с.
7. *Ткачевский Ю.М. Уголовное право военного периода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право.* – 1985. – № 3. – С. 23–31.
8. СМЕРШ: Исторические очерки и архивные документы. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2005. – 343 с.
9. *Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект).* – М.: МВД РФ, Волгоградская академия, 2005. – 294 с.
10. *Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников.* – Волгоград: Изд-во Волгогр. юрид. ин-та МВД РФ, 1997. – 216 с.

Поступила в редакцию
15.03.12

Кудряшов Сергей Валерьянович – заведующий отделом по архивам журнала «Родина», г. Москва.

E-mail: SKudryashov@yahoo.com